

Легенда о швейцарском рае. 9. Жуковский. Швейцарские Альпы учат: революции – это зло | La légende du paradis suisse. 9. Zhukovsky. La leçon des Alpes suisses : la révolution c'est le mal

Author: Наталья Беглова, [Женева](#) , 29.05.2020.

D'après le dessin de S. Freudenberger, par D. Lafond.

Sigmund Freudenberger/Daniel Lafond: L'Hospitalité Suisse.

Фрейденбергер, Зигмунд. Швейцарское гостеприимство. 1880-е гг. Гравюра, раскрашенная акварелью © DR

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de *Nasha Gazeta*, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 9. Zhukovsky. La leçon des Alpes suisses : la révolution c'est le mal

Русский поэт Василий Андреевич Жуковский дважды приезжал в Швейцарию, и во время этих поездок у него зародились идеи, которые внесли несколько новых и очень важных элементов в «швейцарский миф». Первый раз он пробыл здесь с июля по сентябрь 1821 года. Он сопровождал в поездке по Германии великую княгиню Александру Федоровну, жену великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, и испросил позволения задержаться на несколько месяцев.

В течение всей поездки Жуковский вел подробный дневник, фиксируя события, встречи, впечатления. Швейцарию он воспринимает в тот период в русле своих

романтических настроений. Вот поэт оказывается на перевале Сен-Готард и буквально не находит слов, чтобы выразить увиденное: «неописанное зрелище природы, которой здесь нет имени; здесь она ни с чем знакомым не сходствует! Кажется, что стоишь на таком месте, где кончится земля и начинается небо...». Жуковский, конечно, не случайно стремился в эти места. Осенью 1799 года армия Суворова, пройдя с боями через перевал Сен-Готард и перейдя Чёртов мост, спустилась через заснеженный перевал Кинциг в долину Муотаталь, в Швейцарии. Находясь на Чёртовом мосту, Жуковский вспоминает о знаменательных событиях российской истории: «взглянул я на вершину Кинцигкульма, доступную только горным пастухам, чрез которую наш Аннибал перевел свое войско, томимое голодом, но не побежденное».

За те несколько месяцев, что Жуковский провел в Швейцарии в 1821 году, он сумел посетить и другие места, которые стали уже обязательными в маршрутах русских путешественников. Оказавшись на Женевском озере, поэт посещает Веве, Монтре и, конечно, Шильонский замок. Именно тогда у него возникает желание перевести поэму Байрона «Шильонский узник» на русский язык.

Здесь, на берегах озера Леман, поэт затрагивает тему, начатую еще Гете, и пишет о швейцарцах как о прекрасных хозяевах своей земли. Когда читаешь его описания Женевского озера, возникает полное ощущение гармонии, царящей на этих берегах. «Сердце радуется, как скоро, покинув Савою, въедешь в Женевский кантон: картина деятельности, довольства и порядка представляется глазам во всей своей красоте».

Кипренский О. А. Портрет В. А. Жуковского. 1815 г. (© Государственная Третьяковская галерея)

Жуковский провел в Женеве всего три дня, но успел немало. Выбраться в Ивердон, где жил [Песталоцци](#), Василию Андреевичу не удалось, но он сумел повидаться с двумя другими известными швейцарскими педагогами – К.В. Бонштеттенем и Ф. Э. Фелленбергом. С обоими у него состоялись, как пишет Жуковский, «приятные» беседы, во время которых говорили, конечно, и о Песталоцци, и о мадам де Сталь, в чьем родовом поместье Коппе успел побывать Жуковский, и о проблемах воспитания.

Итогом этих встреч и раздумий стала вот эта дневниковая запись: «Грусть от

прелести природы и от одиночества. Здешние домики пленительны от того, что в них заметно умение жить с собою». Размышления на эту тему не оставляют Василия Андреевича, и он опять возвращается к ним несколько дней спустя: «В Швейцарии понял я, что поэтические описания блаженной сельской жизни имеют смысл прозаически справедливый. В этих хижинах обитает независимость, огражденная отеческим правительством: там живут не для того единственно, чтобы тяжким трудом поддерживать физическое бытие свое; но имеют и счастье, правда, простое, неразнообразное, но всё счастье, то есть, свободное наслаждение самим собою».

Жуковский приходит к выводу, что швейцарцы умеют «жить с собой», то есть жить независимо, довольствуясь малым и только тем, что нужно именно тебе. Возможно, именно такой образ жизни позволяет обрести счастье. И еще интересная мысль – «гостеприимство не общелюбие». Жуковский отмечает здесь коренное отличие между швейцарцами и русскими: жители этой страны не хотят любить всех подряд, заботиться обо всех подряд, пытаться сделать счастливыми всех. Они живут «единственно, чтобы тяжким трудом поддерживать бытие свое», строят свой маленький мир, в котором и пытаются достигнуть счастья.

Покинув берега Женевского озера, вдохновившие его на философские размышления, Жуковский, прежде чем окончательно покинуть Швейцарию, еще раз отправляется в Бернские Альпы, решив поближе взглянуть на Юнгфрау. «Наконец я в Оберленде! И эта последняя часть моего путешествия была самая счастливая, самая богатая живыми, чистыми наслаждениями природы», – напишет Василий Андреевич великой княгине.

Поэту даже удастся увидеть настоящий ледник. «Путешествие на глетшер. (Перемена плана от дождя.) Ужасная лавина с дымящегося Веттергорна: как растопленная медь, только белая. <> «Всход на глетшер: несколько отверстий голубых пирамиды; журчание; прекрасный вид внутри: туманное жилище между льдистыми скалами; прелестный вид оттуда на долину зеленую».

Когда Жуковский оказывается на Рейнском водопаде, его поэтический талант опять дает знать о себе: «...стоишь в хаосе пены, грома и волн, не имеющих никакого образа; и это зрелище без солнца еще величественнее, нежели при солнце: лучи, освещая волны, дают им некоторую видимую, знакомую форму; но без лучей всё теряет образ; мимо тебя летают с громом, свистом и ревом какие-то необъятные призраки, которые бросаются вперед, клубятся, вьются, поднимаются облаком дыма, взлетают снопом шипящих водяных ракет, один другому пересекают дорогу и, встречаясь, расшибаются вдребезги; словом, картина неописанная». Полюбовавшись на Рейнский водопад, в Шаффхаузене Василий Андреевич, как он пишет, «простился с Швейцарией». Но это не было прощание, хотя поэт об этом еще не подозревал.

Эта старинная акварель дает представление о том, каким образом во времена Жуковского совершали восхождения на горные вершины и ледники Бернских Альп.

На основе своих дневниковых записей Жуковский подготовил очень подробное письмо, адресованной великой княгине. В 1825 году оно было опубликовано в «Полярной звезде» под названием «Отрывки из письма о Швейцарии» и на долгие годы стало эстетическим манифестом русского романтизма.

Из путешествия поэт привез не только дневниковые записи, но и множество рисунков. В письме великой княгине Василий Андреевич признается, что «...со вступления моего в Швейцарию открылась во мне болезнь рисования; я рисовал везде, где только мог присесть на свободе, и у меня теперь в кармане почти все озера Швейцарии, несколько долин и полдюжины высоких гор».

Более того, Василий Андреевич освоил и искусство гравюры. На основе многих своих рисунков он сделал офорты. «Путешествие сделало меня рисовальщиком, я нарисовал *au trait* (карандашом – Н.Б.) около 80 видов, которые сам выгравировал также *au trait*», – сообщал поэт в январе 1823 года родственнице и другу Анне Зонтаг.

Со времени своего первого путешествия в Швейцарию поэт не расставался с карандашом и признавался, что «живопись и поэзия для него родные сестры». Как мы видим, Швейцария дает толчок развитию не только поэтических, философских, но и художественных дарований.

Второй раз Василий Андреевич Жуковский оказался в Швейцарии по воле врачей. Это

произошло в 1832 году. Жуковский направлялся в Италию на лечение, но решил заехать в Женеву посоветоваться со здешними специалистами. Выяснилось, что состояние его здоровья весьма неудовлетворительное, длительное путешествие ему противопоказано, и Василий Андреевич остался в Швейцарии. Скажем, забегая вперед, что здесь в мае 1833 года ему сделали успешную операцию, после чего поэт смог вернуться в Россию.

Приехав в Швейцарию, Жуковский снял дом в районе Верне (Vernay), неподалеку от Ве́ве. Образ жизни Василия Андреевича, естественно, соответствовал состоянию его здоровья: «Между тем живу спокойно. И делаю всё, что от меня зависит, чтобы дойти до своей цели — до выздоровления. Живу так уединенно, что в течение пятидесяти дней был только раз в обществе», – записывает он в своем дневнике в январе 1833 года.

Mack, Éditeur à Vevey

Deroy lith.

Imp. Lemercier à Paris

VEVEY

Набережная города Ве́ве. Здесь гулял Жуковский, приехав в Швейцарию во второй раз, в 1833 году. Литография середины XIX века из коллекции автора

Несмотря на неважное самочувствие, поэт не отказывает себе в удовольствии совершать небольшие прогулки по окрестностям. «Мой дом в поэтическом месте, на самом берегу Женевского озера, на краю Симплонской дороги; впереди Савойские горы и Мельерские утесы, слева Монтрё на высоте и Шильон на водах, справа Кларан и Ве́ве. Эти имена напоминают тебе и Руссо, и Юлию, и Бейрона», – пишет он в письме своему другу И. И. Козлову.

Жуковский, в отличие от Карамзина, находит, что Жан-Жак Руссо в его «Юлии, или

Новой Элоизе» не сумел передать всю прелесть этих мест. В том же письме к И.И. Козлову он так передает свое впечатление о романе Руссо: «И не во гнев тебе будет сказано, нет ничего скучнее „Новой Элоизы“, я не мог дочитать ее и в молодости, когда воображению нужны более мечты, нежели истина. Попытался прочесть ее здесь и еще более уверился, что не ошибся в своем отвращении. Для великой здешней природы и для страстей человеческих Руссо не имел ничего, кроме блестящей декламации: он был в свое время лучезарный метеор, но этот метеор лопнул и исчез».

Природа берегов Лемана не только не разочаровала Жуковского, но и произвела на него еще более сильное впечатление, чем в первый приезд. Во всяком случае, в его дневниковых записях и в письмах к друзьям содержатся удивительно поэтичные и живописные описания озера, поистине достойные пера великого романтического поэта.

«Теперь 4-е января (старого стиля), а на дворе почти весна; солнце светит с прекрасного голубого неба; перед глазами моими расстилается лазоревая равнина Женевского озера; нет ни одной волны; не видишь движения, а только его чувствуешь: озеро дышит. <> Между тем в воздухе удивительная свежесть, есть какой-то запах не весенний, не осенний, а зимний; есть какое-то легкое, горное благоухание, которого не чувствуешь на равнинах. Вот вам картина одного утра на берегах моего озера!»

Johann Ludwig Aberli: Vue de Vevey.

Аберли И.Л. Веве. 1780 г. Гравюра, раскрашенная акварелью

Жуковский сначала сделал эту запись в дневнике, а позднее включил ее в чрезвычайно подробное письмо, написанное наследнику престола великому князю

Александр Николаевич – будущему императору Александру II, – воспитателем которого он являлся с 1825 года. Великому князю в тот год исполнилось пятнадцать лет, и Василий Андреевич полагал, что это возраст, когда молодой человек расстается, как он писал, с «ребячеством и юношеством» и вступает во взрослую жизнь, где слова о «высоком знаменовании» его будущего» уже становятся не просто чем-то абстрактным, а приобретают реальные очертания. И Жуковский считал своим долгом подготовить воспитанника к этому столь ответственному моменту.

Именно в этом письме Василий Андреевич сформулировал понятие «горная философия», которое, будучи важным для русской философской мысли, способствовало и становлению «швейцарской легенды». Эта философия – квинтэссенция размышлений поэта о природе и связи процессов, в ней протекающих, с жизнью человека, о нравственном смысле истории и о границах дозволенного и недозволенного в осуществлении той роли, которую играет человек в исторических процессах. Поскольку Жуковский был глубоко верующим человеком, это еще и рассуждения о Божьей воле и о Предопределении в жизни человека и общества.

Жуковский всегда любил писать о горах, они и раньше присутствовали в его поэзии. Теперь, во второй приезд в Швейцарию, горы вновь занимают его мысли. Описывая виды, открывающиеся ему из Верне, он вновь и вновь говорит о горных пейзажах.

Лицемерие громадин, напоминающих «изрубленный труп», наводит поэта на мысли о том, что все этапы становления человеческого общества сопровождались, так же, как и при рождении мира природы, хаосом, жестокостью и потрясениями. И по сей день здесь постоянно происходят обвалы и крушения. «Какое сходство в Истории этих безжизненных великанов с Историей живого человеческого рода!», – восклицает он.

Но Василий Андреевич верит в то, что в жизни человечества, как и в жизни природы, периоды хаоса, разрушений сменяются покоем и движением вперед. В этом он и видит суть своей философии гор. Проводя параллель между процессами, происходящими в природе и ходом человеческой истории, он пишет: «иногда движение кажется бурей: бездна кипит; но вдруг все гладко и чисто; – и в этом за минуту столь безобразном хаосе вод спокойно отражается чистое небо. Вот вам философия здешних гор».

Gabriel Lory fils: Vue de Fluhlen, en Suisse.

Лори, Матиас Габриэль (сын). Флюэлен. Акварель. 1817 г. Любуясь горными пейзажами Швейцарии, Жуковский размышлял над тем, что станет впоследствии его «горной философией»

Чтобы сделать свою мысль еще более понятной, Жуковский рассказывает такой эпизод. «Еще один маленький отрывок, – пишет он, – из той же горной философии: проезжая сюда через кантон Швиц, я видел на прекрасной долине, между Цюрихским и Ловерцким озером, развалины горы, задавившей на двадцать лет несколько деревень и обратившей своим падением райскую область в пустыню». Далее поэт рассказывает о том, что рядом в плодородной долине когда-то произошел такой же обвал, но теперь там вновь плодородные земли. Однако для того, чтобы возродилась жизнь, должно было пройти несколько веков.

Далее следует самый важный вывод «горной философии» – о губительности насилия. «Вот история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, – бурным ли бешенством толпы, дерзкою ли властью одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслью, что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою, более плодоносною».

Заключает Жуковский свое послание рассуждением о том, что какими бы высокими целями ни руководствовался человек, они не оправдывают насильственных средств их достижения: «...истинное зло, хотя бы и было благотельно в своих последствиях; никто не имеет права жертвовать будущему настоящему и нарушать

верную справедливость для неверного возможного блага».

«Горная философия» Жуковского в Швейцарии в 1832-1833 годах, безусловно, оказала влияние на образованную российскую публику и, в частности, на воспитанника поэта – будущего императора Александра II. К такому выводу приходит, например, А.Ю. Андреев, видный исследователь философского и богословского учения Жуковского. Он пишет: «И, памятуя о действительно сильном влиянии Жуковского на молодого Александра II, можно без преувеличения сказать, что сама личность «царя-освободителя», его последовательная приверженность к созидательным реформам, позволившая осуществить вековую потребность России и отменить крепостное право, а также дать толчок к развитию институтов гражданского общества – все это закладывалось на основе текстов, подготовленных на швейцарской земле».

От редакции: Статьи из цикла "Легенда о швейцарском рае" собраны в [специальное досье](#).

[швейцарские Альпы](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/legenda-o-shveycarskom-rae-9-zhukovski-y-shveycarskie-alpy-uchat-revolyucii-eto>